Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://mayakovskyvladimir.ru/ Приятного чтения!

Владимир Ильич Ленин. Владимир Владимирович Маяковский

Российской
коммунистической партии
посвящаю

Время –
начинаю
про Ленина рассказ.
Но не потому,
что горя
нету более,
время
потому,
что резкая тоска
стала ясною,
осознанною болью.
Время,
снова
ленинские лозунги развихрь!
Нам ли
растекаться
слезной лужею.
Ленин
и теперь
живее всех живых –
наше знанье,
сила
и оружие.
Люди – лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракýшек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий
ленинский
огромный лоб.

Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолеи,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным елеем
ленинскую
простоту.
За него дрожу,
как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
не был
красотой оболган.
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату долга.
Вся Москва.
Промерзшая земля
дрожит от гуда.
Над кострами
обмороженные с ночи.
Что он сделал?
Кто он
и откуда?
Почему
ему
такая почесть?
Слово зá словом
из памяти таская,
не скажу
ни одному —
на место сядь.
Как бедна
у мира
слóва мастерская!
Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.
А если
за всех смог
направлять
потоки явлений,
мы говорим —

«пророк»,
мы говорим –
«гений».
У нас
претензий нет,–
не зовут –
мы и не лезем,
нравимся
своей жене,
и то
довольны донéльзя.
Если ж,
телом и духом слит,
прет
на нас непохожий,
шпилим –
«царственный вид»,
удивляемся –
«дар божий».
Скажут так,–
и вышло
ни умно, ни глупо.
Повисят слова
и уплывут, как ды́мы.
Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.
Ни рукам,
ни голове не ощутимы.
Как же
Ленина
таким аршином мерить!
Ведь глазами
видел
каждый всяк –
«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая о косяк.
Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»?
Если б
был он
царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами

метал:
д о л о й!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.
Сквозь мильоны глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.
Богу
почести казенные
не новость.
Нет!
Сегодня
настоящей болью
сердце холодей.
Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.
Он земной,
но не из тех,
кто глазом
упирается
в свое корыто.
Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинят кожей,
да насмешливей
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.
Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.

Скажем,
мне бильярд —
отращиваю глаз,
шахматы ему —
они вождям
полезней.
И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведя
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человечьей диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.
И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж,
стоящий
от него поодаль,
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
óтдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку —
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажьих

покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда –
этот
самый человечный человек?
Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите –
железный
и луженый,
прорезая
древние века,–
голос
прадеда
Бромлея и Гужона –
первого паровика?
Капитал
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покоренной
силу деревенщины.
Город грабил,
грёб,
грабастал,
глыбил
пуза касс,
а у станков
худой и горбастый
встал
рабочий класс.
И уже
грозил,
взвивая трубы зá небо.
– Нами
к золоту
пути мостúте.
Мы родим,
пошлем,
придет когда-нибудь
человек,
борец,
каратель,
мститель! –
И уже
смешались
облака и ды́мы,
будто
рядовые
одного полка.
Небеса
становятся двойными,
дымы
забивают облака.

Товары
растут,
меж нищими высясь.
Директор,
лысый черт,
пощелкал счетами,
буркнул:
«кризис!»
и вывесил слово
«расчет».
Крáпило
сласти
мушиное сéево,
хлебá
зерном
в элеваторах портятся,
а под витринами
всех Елисеевых,
живот подведя,
плелась безработица.
И бурчало
у трущоб в утробе,
покрывая
детвориный плачик:
— Под работу,
под винтовку ль,
нá —
ладони обе!
Приходи,
заступник
и расплатчик! —
Эй,
верблюд,
открыватель колоний!
Эй,
колонны стальных кораблей!
Марш
в пустыни
огня раскаленней!
Пеньте пену
бумаги белей!
Начинают
черным латáться
оазисы
пальмовых нег.
Вон
среди
золотистых плантаций
засеченный
вымычал негр:
— У-у-у-у-у,
у-у-у!
Нил мой, Нил!
Приплещи
и выплещи
черные дни!
Чтоб чернее были,
чем я во сне,
и пожар чтоб
крови вот этой красней.
Чтоб во всем этом кофе,
враз вскипелом,
вариться пузатым —
черным и белым.
Каждый
добытый
слоновий клык —
тык его в мясо,

в сердце тык.
Хоть для правнуков,
не зря чтоб
кровью литься,
выплыви,
заступник солнцелицый.
Я кончаюсь,—
бог смертей
пришел и поманил.
Помни
это заклинанье,
Нил,
мой Нил! —
В снегах России,
в бреду Патагонии
расставило
время
станки потогонные.
У Ива́нова уже
у Вознесенска
каменные туши
будоражат
выкрики частушек:
«Эх, завод ты мой, завод,
желтоглазина.
Время нового зовет
Стеньку Разина».
Внуки
спросят:
— Что такое капиталист? —
Как дети
теперь:
— Что это
г-о-р-о-д-о-в-о-й?.. —
Для внуков
пишу
в один лист
капитализма
портрет родовой.
Капитализм
в молодые года
был ничего,
деловой парнишка:
первый работал —
не боялся тогда,
что у него
от работ
засалится манишка.
Трико феодальное
ему тесно́!
Лез
не хуже,
чем нынче лезут.
Капитализм
революциями
своей весной
расцвел
и даже
подпевал «Марсельезу».
Машину
он
задумал и выдумал.
Люди,
и те — ей!
Он
по вселенной
видимо-невидимо
рабочих расплодил

детей.
Он враз
и царства
и графства сжевал
с коронами их
и с орлами.
Встучнел,
как библейская корова
или вол,
облизывается.
Язык – парламент.
С годами
ослабла
мускулов сталь,
он раздобрел
и распух,
такой же
с течением времени
стал,
как и его гроссбух.
Дворец возвел –
не увидишь такого!
Художник
– не один! –
по стенам поерзал.
Пол ампиристый,
потолок рококóвый,
стенки –
Людовика XIV,
Каторза.
Вокруг,
с лицом,
что равно годится
быть и лицом
и ягодицей,
задолицая
полиция.
И краске
и песне
душа глуха,
как корове
цветы
среди луга.
Этика, эстетика
и прочая чепуха –
просто –
его
женская прислуга.
Его
и рай
и преисподняя –
распродает
старухам
дырки
от гвоздей
креста господня
и перо
хвоста
святого духа.
Наконец,
и он
перерос себя,
за него
работает раб.
Лишь наживая,
жря
и спя,
капитализм разбух

и обдряб.
Обдряб
и лег
у истории на пути
в мир,
как в свою кровать.
Его не объехать,
не обойти,
единственный выход –
взорвать!
Знаю,
лирик
скривится горько,
критик
ринется
хлыстиком выстегать:
– А где ж душа?!
Да это ж –
риторика!
Поэзия где ж?
Одна публицистика!! –
Капитализм –
неизящное слово,
куда изящней звучит –
«соловей»,
но я
возвращусь к нему
снова и снова.
Строку
агитаторским лозунгом взвей.
Я буду писать
и про то
и про это,
но нынче
не время
любовных ляс.
Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.
Пролетариат –
неуклюже и узко
тому,
кому
коммунизм – западня.
Для нас
это слово –
могучая музыка,
могущая
мертвых
сражаться поднять.
Этажи
уже
заёжились, дрожа,
клич подвалов
подымается по этажам:
– Мы прорвемся
небесам
в распахнутую синь.
Мы пройдем
сквозь каменный колодец.
Будет.
С этих нар
рабочий сын –
пролетариатоводец.–
Им
уже

земного шара мало.
И рукой,
отяжелевшей
от колец,
тянется
упитанная
туша капитала
ухватить
чужой горлéц.
Идут,
железом
клацая и лацкая.
— Убивайте!
Двум буржуям тесно! —
Каждое село —
могила братская,
городá —
завод протезный.
Кончилось —
столы
накрыли чайные.
Пирогом
победа на столе.
— Слушайте
могил чревовещание,
кастаньеты костылей!
Снова
нас
увидите
в военной яви.
Эту
время
не простит вину.
Он расплещется,
придет он
и объявит
вам
и вашинской войне
войну! —
Вырастают
на земле
слезы́ озёра,
слишком
непролазны
крови топи.
И клонились
одиночки фантазеры
над решением
немыслимых утопий.
Голову
об жизнь
разбили филантропы.
Разве
путь миллионам —
филантропов тропы?
И уже
бессилен
сам капиталист,
так
его
машина размахалась,—
строй его
несет,
как пожелтелый лист,
кризисов
и забастовок хáос.
— В чей карман
стекаем

золотою лавой?
С кем идти
и на кого пенять? –
Класс миллионоглавый
напрягает глаз –
себя понять.
Время
часы
капитала
крáло,
побивая
прожекторов яркость.
Время
родило
брата Карла –
старший
ленинский брат
Маркс.
Маркс!
Встает глазам
седин портретных рама.
Как же
жизнь его
от представлений далека!
Люди
видят
замурованного в мрамор,
гипсом
холодеющего старика.
Но когда
революционной тропкой
первый
делали
рабочие
шажок,
о, какой
невероятной топкой
сердце Маркс
и мысль свою зажег!
Будто сам
в заводе каждом
стоя стóймя,
будто
каждый труд
размозоливая лично,
грабящих
прибавочную стоимость
за руку
поймал с поличным.
Где дрожали тельцем,
не вздымая глаз свой
даже
до пупа
биржевика-дельца,
Маркс
повел
разить
войною классовой
золотого
до быка
доросшего тельцá.
Нам казалось –
в коммунизмовы затоны
только
волны случая
закинут
нас
юля́.

Маркс
раскрыл
истории законы,
пролетариат
поставил у руля.
Книги Маркса
не набора гранки,
не сухие
цифр столбцы –
Маркс
рабочего
поставил нá ноги
и повел
колоннами
стройнее цифр.
Вел
и говорил: –
сражаясь лягте,
дело –
корректура
выкладкам ума.
Он придет,
придет
великий практик,
поведет
полями битв,
а не бумаг! –
Жерновами дум
последнее меля́
и рукой
дописывая
восковой,
знаю,
Марксу
виделось
видение Кремля
и коммуны
флаг
над красною Москвой.
Назревали,
зрели дни,
как дыни,
пролетариат
взрослел
и вырос из ребят.
Капиталовы
отвесные твердыни
валом размывают
и дробят.
У каких-нибудь
годов
на расстоянии
сколько гроз
гудит
от нарастаний.
Завершается
восстанием
гнева нарастание,
нарастают
революции
за вспышками восстаний.
Крут
буржуев
озверевший норов.
Тьерами растерзанные,
воя и стеная,
тени прадедов,
парижских коммунаров,

и сейчас
вопят
парижскою стеною:
— Слушайте, товарищи!
Смотрите, братья!
Горе одиночкам —
выучьтесь на нас!
Сообща взрывайте!
Бейте партией!
Кулаком
одним
собрав
рабочий класс.—
Скажут:
«Мы вожди»,
а сами —
шаркунами?
За речами
шкуру
распознать умей!
Будет вождь
такой,
что мелочами с нами —
хлеба проще,
рельс прямей.
Смесью классов,
вер,
сословий
и наречий
на рублях колес
землища двигалась.
Капитал
ежом противоречий
рос во-всю
и креп,
штыками иглясь.
Коммунизма
призрак
по Европе рыскал,
уходил
и вновь
маячил в отдаленьи…
По всему по этому
в глуши Симбирска
родился
обыкновенный мальчик
Ленин.
_____
Я знал рабочего.
Он был безграмотный.
Не разжевал
даже азбуки соль.
Но он слышал,
как говорил Ленин,
и он
знал — всё.
Я слышал
рассказ
крестьянина-сибирца.
Отобрали,
отстояли винтовками
и раем
разделали селеньице.
Они не читали
и не слышали Ленина,
но это
были ленинцы.
Я видел горы —

на них
и куст не рос.
Только
тучи
на скалы
упали ничком.
И на сто верст
у единственного горца
лохмотья
сияли
ленинским значком.
Скажут —
это
о булавках áхи.
Барышни их
вкалывают
из кокетливых причуд.
Не булавка вколота —
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.
Этого
не объяснишь
церковными
славянскими крюками,
и не бог
ему
велел —
избранник будь!
Шагом человеческим,
рабочими руками,
собственною головой
прошел он
этот путь.
Сверху
взгляд
на Россию брось —
рассинелась речками,
словно
разгулялась
тысяча розг,
словно
плетью исполосована.
Но синей,
чем вода весной,
синяки
Руси крепостной.
Ты,
с боков
на Россию глянь —
и куда
глаза ни кинь,
упираются
небу в склянь
горы,
каторги
и рудники.
Но и каторг
больнее была
у фабричных станков
кабала.
Были страны
богатые более,
красивее видал
и умней.
Но земли

с еще большей болью
не довиделось
видеть
мне.
Да, не каждый
удар
сотрешь со щеки.
Крик крепчал:
— Подымайтесь
за землю и волю вы! —
И берутся
бунтовщики-
одиночки
за бомбу
и за ревóльвер.
Хорошо
в царя
вогнать обойму!
Ну, а если
только пыль
взметнешь у колеса?!
Подготовщиком
цареубийства
пойман
брат Ульянова,
народоволец
Александр.
Одного убьешь —
другой
во весь свой пыл
пытками
ушедших
переплюнуть тужится.
И Ульянов
Александр
повешен был
тысячным из шлиссельбуржцев.
И тогда
сказал
Ильич семнадцатигодовый —
это слово
крепче клятв
солдатом поднятой руки:
— Брат,
мы здесь
тебя сменить готовы,
победим,
но мы
пойдем путем другим! —
Оглядите памятники —
видите
героев род вы?
Станет Гоголем,
а ты
венком его величь.
Не такой —
чернорабочий,
ежедневный подвиг
нá плечи себе
взвалил Ильич.
Он вместе,
учит в кузничной пасти,
как быть,
чтоб зарплата
взросла пятаком.
Что делать,
если
дерется мастер.

Как быть,
чтоб хозяин
поил кипятком.
Но не мелочь
целью в конце:
победив,
не стой так
над одной
сметённой лужею.
Социализм — цель.
Капитализм — враг.
Не веник —
винтовка оружие.
Тысячи раз
одно и то же
он вбивает
в тугой слух,
а назавтра
друг в друга вложит
руки
понявших двух.
Вчера — четыре,
сегодня — четыреста.
Таимся,
а завтра
в открытую встанем,
и эти
четыреста
в тысячи вырастут.
Трудящихся мира
подымем восстанием.
Мы уже
не тише вод,
травинок ниже —
гнев
трудящихся
густится в туче.
Режет
молниями
Ильичевых книжек.
Сыпет
градом
прокламаций и летучек.
Бился
об Ленина
темный класс,
тёк
от него
в просветленьи,
и, обданный
силой
и мыслями масс,
с классом
рос
Ленин.
И уже
превращается в быль
то,
в чем юношей
Ленин кля́лся:
— Мы
не одиночки,
мы —
союз борьбы
за освобождение
рабочего класса.—
Ленинизм идет
все далее

и более
вширь
учениками
Ильичевой выверки.
Кровью
вписан
героизм подполья
в пыль
и в слякоть
бесконечной Володимирки.
Нынче
нами
шар земной заверчен.
Даже
мы,
в кремлевских креслах если,—
скольким
вдруг
из-за декретов Нерчинск
кандалами
раззвенится в кресле!
Вам
опять
напомню птичий путь я.
За волчком —
трамваев
электрическая рысь.
Кто
из вас
решетчатые прутья
не царапал
и не грыз?!
Лоб
разбей
о камень стенки тесной —
за тобою
смыли камеру
и замели.
«Служил ты недолго, но честно
на благо родимой земли».
Полюбилась Ленину
в какой из ссылок
этой песни
траурная сила?
Говорили —
мужичок
своей пойдет дорогой,
заведет
социализм
бесхитростен и прост.
Нет,
и Русь
от труб
становится сторóгой.
Город
дымной бородой оброс.
Не попросят в рай —
пожалуйста,
войдите —
через труп буржуазии
коммунизма шаг.
Ста крестьянским миллионам
пролетариат водитель.
Ленин —
пролетариев вожак.
Понаобещает либерал
или эсерик прыткий,
сам охочий до рабочих шей,—

Ленин
фразочки
с него
пооборвет до нитки,
чтоб из книг
сиял
в дворянском нагише.
И нам
уже
не разговорцы досужие,
что-де свобода,
что люди братья,–
мы
в марксовом всеоружии
одна
на мир
большевистская партия.
Америку
пересекаешь
в экспрессном купе,
идешь Чухломой –
тебе
в глаза
вонзается теперь
Р К П
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулково,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква
в сто крат красней,
грандиозней
и ярче.
Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ».
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? –
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия –
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,

когда он один.
Горе одному,
один не воин –
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрýдились малые –
сдайся, враг,
замри
и ляг!
Партия –
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак.
Единица – вздор,
единица – ноль,
один –
даже если
очень важный –
не подымет
простое
пятивершковое бревно,
тем более
дом пятиэтажный.
Партия –
это
миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга.
Партия –
спинной хребет рабочего класса.
Партия –
бессмертие нашего дела.
Партия – единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса –
вот что такое партия.
Партия и Ленин –
близнецы-братья –
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем –
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем –
Ленин.
Еще
горой
коронованные глáвы,
и буржуи
чернеют,

как вороны в зиме,
но уже
горение
рабочей лавы
по кратеру партии
рвется из-под земель.
Девятое января.
Конец гапонщнны.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!
Сами
с оружием
встали пресненцы.
Казалось —
сейчас
покончим с троном,
за ним
и буржуево
кресло треснется.
Ильич уже здесь.
Он изо дня нá день
проводит
с рабочими
пятый год.
Он рядом
на каждой стоит баррикаде,
ведет
всего восстания ход.
Но скоро
прошла
лукавая вестийка —
«свобода».
Бантики люди надели,
царь
на балкон
выходил с манифестиком.
А после
«свободной»
медовой недели
речи,
банты
и пения плавные
пушечный рев
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царев адмирал,
каратель Дубасов.
Плюнем в лицо
той белой слякоти,
сюсюкающей
о зверствах Чекá!
Смотрите,
как здесь,
связавши зá локти,
рабочих нáсмерть
секли по щекам.
Зверела реакция.
Интеллигентчики
ушли от всего

и всё изгадили.
Заперлись дома,
достали свечки,
ладан курят —
богоискатели.
Сам заскулил
товарищ Плеханов:
— Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пустили
крови лохани!
Нечего
зря
за оружье браться.—
Ленин
в этот скулеж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
— Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично.
Новых восстаний вижу день я.
Снова подымется
рабочий класс.
Не защита —
нападение
стать должно
лозунгом масс. —
И этот год
в кровавой пене
и эти раны
в рабочем стане
покажутся
школой
первой ступени
в грозе и буре
грядущих восстаний.
И Ленин
снова
в своем изгнании
готовит
нас
перед новой битвой.
Он учит
и сам вбирает знание,
он партию
вновь
собирает разбитую.
Смотри —
забастовки
вздымают год,
еще —
и к восстанию сумеешь сдвинуться ты.
Но вот
из лет
подымается
страшный четырнадцатый.
Так пишут —
солдат-де
раскурит трубку,
балакать пойдет
о походах древних,
но эту
всемирнейшую мясорубку
к какой приравнять
к Полтаве,

к Плевне?!
Империализм
во всем оголении –
живот наружу,
с вставными зубами,
и море крови
ему по колени –
сжирает страны,
вздымая штыками.
Вокруг него
его подхалимы –
патриоты –
приспособились Вовы –
пишут,
руки предавшие вымыв:
– Рабочий,
дерись
до последней крови! –
Земля –
горой
железного лома,
а в ней
человечья
рвань и рваль.
Среди
всего сумасшедшего дома
трезвый
встал
один Циммервальд.
Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.
Оттуда –
миллионы
канонадою в уши,
стотысячесабельной
конницы бег,
отсюда,
против
и сабель и пушек,–
скуластый
и лысый
один человек.
– Солдаты!
Буржуи,
предав и прóдав,
к туркам шлют,
за Верден,
на Двину.
Довольно!
Превратим
войну народов
в гражданскую войну!
Довольно
разгромов,
смертей и ран,
у наций
нет
никакой вины.
Против

буржуазии всех стран
подымем
знамя
гражданской войны! –
Думалось:
сразу
пушка-печка
чихнет огнем
и сдунет гнилью,
потом поди,
ищи человечка,
поди,
вспоминай его фамилию.
Глоткой орудий,
шипевших и вывших,
друг другу
страны
орут –
на колени!
Додрались,
и вот
никаких победивших –
один победил
товарищ Ленин.
Империализма прорва!
Мы
истощили
терпенье ангельское.
Ты
восставшею
Россией прорвана
от Тавриза
и до Архангельска.
Империя –
это тебе не ку́ра!
Клювастый орел
с двухглавою властью.
А мы,
как докуренный окурок,
просто
сплюнули
их династью.
Огромный,
покрытый кровавою ржою,
народ,
голодный и голоштанный,
к Советам пойдет
или будет
буржую
таскать,
как и встарь,
из огня каштаны?
– Народ
разорвал
оковы царьи,
Россия в буре,
Россия в грозе,–
читал
Владимир Ильич
в Швейцарии,
дрожа,
волнуясь
над кипой газет.
Но что
по газетным узнаешь клочьям?
На аэроплане
прорваться б ввысь,
туда,

на помощь
к восставшим рабочим,–
одно желанье,
единая мысль.
Поехал,
покорный партийной воле,
в немецком вагоне,
немецкая пломба.
О, если бы
знал
тогда Гогенпцллерн,
что Ленин
и в их монархию бомба!
Питерцы
всё еще
всем на радость
лобзались,
скакали детишками малыми,
но в красной ленточке,
слегка припарадясь,
Невский
уже
кишел генералами.
За шагом шаг –
и дойдут до точки,
дойдут
и до полицейского свиста.
Уже
начинают
казать коготочки
буржуи
из лапок своих пушистых.
Сначала мелочь –
вроде малькóв.
Потом повзрослее –
от шпротов до килечек.
Потом Дарданельский,
в девичестве Милюков,
за ним
с коронацией
прет Михаильчик.
Премьер
не власть –
вышивание гладью!
Это
тебе
не грубый нарком.
Прямо девушка –
иди и гладь ее!
Истерики закатывает,
поет тенорком.
Еще
не попало
нам
и росинки
от этих самых
февральских свобод,
а у оборонцев –
уже хворостинки –
«марш, марш на фронт,
рабочий народ».
И в довершение
пейзажа славненького,
нас предававшие
и до
и потóм,
вокруг
сторожами

эсеры да Савинковы,
меньшевики –
ученым котом.
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.
И снова
ветер
свежий, крепкий
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здравствует Ленин!»
– Товарищи! –
и над головами
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил.–
– Сбросим
эсдечества
обветшавшие лохмотья.
Долой
власть
соглашателей и капиталистов!
Мы –
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света,
Да здравствует
партия,
строящая коммунизм,
да здравствует
восстание
за власть Советов! –
Впервые
перед толпой обалделой
здесь же,
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово –
«социализм».
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся –
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
На толщь
окрутивших
соглашательских веревок

слова Ильича
ударами топора.
И речь
прерывало
обвалами рева:
«Правильно, Ленин!
Верно!
Пора!»
Дом
Кшесинской,
за дрыгоножество
подаренный,
нынче –
рабочая блузница.
Сюда течет
фабричное множество,
здесь
закаляется
в ленинской кузнице.
«Ешь ананасы,
рябчиков жуй,
день твой последний
приходит, буржуй»,
Уж лезет
к сидящим
в хозяйском стуле –
как живете
да что жуете?
Примериваясь,
в июле
за горло потрогали
и за животик.
Буржуевы зубья
ощерились разом.
– Раб взбунтовался!
Плетями,
да в кровь его! –
И ручку
Керенского
водят приказом –
на мушку Ленина!
В Кресты Зиновьева!
И партия
снова
ушла в подполье.
Ильич на Разливе,
Ильич в Финляндии.
Но ни чердак,
ни шалаш,
ни поле
вождя
не дадут
озверелой банде их.
Ленина не видно,
но он близ.
По тому,
работа движется как,
видна
направляющая
ленинская мысль,
видна
ведущая
ленинская рука.
Словам Ильичевым –
лучшая почва:
падают,
сейчас же
дело растя,

и рядом
уже
с плечом рабочего –
плечи
миллионов крестьян.
И когда
осталось
на баррикады выйти,
день
наметив
в ряду недель,
Ленин
сам
явился в Питер:
– Товарищи,
довольно тянуть канитель!
Гнет капитала,
голод-уродина,
войн бандитизм,
интервенция вóрья –
будет! –
покажутся
белее родинок
на теле бабушки,
древней истории.
И оттуда,
на дни
оглядываясь эти,
голову
Ленина
взвидишь сперва.
Это
от рабства
десяти тысячелетий
к векам
коммуны
сияющий перевал.
Пройдут
года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летá,
и счастье
сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.
И тогда
у читающих
ленинские веления,
пожелтевших
декретов
перебирая листки,
выступят
слезы,
выведенные из употребления,
и кровь
волнением
ударит в виски.
Когда я
итожу
то, что прóжил,
и роюсь в днях –
ярчайший где,
я вспоминаю
одно и то же –
двадцать пятое,

первый день.
Штыками
тычется
чирканье молний,
матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики.
— Вас
вызывает
товарищ Сталин.
Направо
третья,
он
там.—
— Товарищи,
не останавливаться!
Чего стали?
В броневики
и на почтамт! —
— По приказу
товарища Троцкого! —
— Есть! —
повернулся
и скрылся скоро,
и только
на ленте
у флотского
под лампой
блеснуло —
«Аврора».
Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.
Уже
Ильичем
поведенные в битвы,
еще
не зная
его по портретам,
толкались,
орали,
острее бритвы
солдаты друг друга
крыли при этом.
И в этой желанной
железной буре
Ильич,
как будто
даже заспанный,
шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки зá спину.
В какого-то парня

в обмотках,
лохматого,
уставил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что всё
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится –
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
– Всем!
Всем!
Всем это –
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным.–
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным! –
Буржуи
прочли
– погодите,
выловим,–
животики пятят
доводом веским –
ужо им покажут
Духонин с Корниловым,
покажут ужо им
Гучков с Керéнским.
Но фронт
без боя
слова эти взяли –
деревня
и город
декретами зáлит,
и даже
безграмотным
сердце прожег.
Мы знаем,
не нам,
а им показали,
какое такое бывает
«ужо».

Переходило
от близких к ближним,
от ближних
дальним взрывало сердца:
«Мир хижинам,
война,
война,
война дворцам!»
Дрались
в любом заводе и цехе,
горохом
из городов вытряхали,
а сзади
шаганье октябрьское
метило вехи
пылающих
дворянских усадеб.
Земля —
подстилка под ихними порками,
и вдруг
ее,
как хлебища в узел,
со всеми ручьями ее
и пригорками
крестьянин взял
и зажал, закорузел.
В очках
манжетщики,
злобой похаркав,
ползли туда,
где царство да графство.
Дорожка скатертью!
Мы и кухарку
каждую
выучим
управлять государством!
Мы жили
пока
производством ротаций.
С окопов
летело
в немецкие уши:
— Пора кончать!
Выходите брататься! —
И фронт
расползался
в улитки теплушек.
Такую ли
течь
загородите горстью?
Казалось —
наша лодчонка кренится —
Вильгельмов сапог,
Николаева шпористей,
сотрет
Советской страны границы.
Пошли эсеры
в плащах распашонкой,
ловили бегущих
в свое словоблудьище,
тащили
по-рыцарски
глупой шпажонкой
красиво
сразить
броневые чудища!
Ильич
петушившимся

крикнул:
— Ни с места!
Пусть партия
взвалит
и это бремя.
Возьмем
передышку похабного Бреста.
Потеря — пространство,
выигрыш — время.—
Чтоб не передóхнуть
нам
в передышку,
чтоб знал —
запомнят удáры мои,
себя
не муштровкой —
сознанием вышколи,
стройся
рядами
Красной Армии.
Историки
с гидрой плакаты выдерут
— чи эта гидра была,
чи нет? —
а мы
знавали
вот эту гидру
в ее
натуральной величине.
«Мы смело в бой пойдем
за власть Советов
и как один умрем
в борьбе за это!»
Деникин идет.
Деникина выкинут,
обрушенный пушкой
подымут очаг.
Тут Врангель вам —
на смену Деникину.
Барона уронят —
уже Колчак.
Мы жрали кору,
ночевка — болотце,
но шли
миллионами красных звезд,
и в каждом — Ильич,
и о каждом заботится
на фронте
в одиннадцать тысяч верст.
Одиннадцать тысяч верст
окружность,
а сколько
вдоль да поперек!
Ведь каждый дом
атаковывать нужно,
каждый
врага
в подворотнях берег.
Эсер с монархистом
шпионят бессонно —
где жалят змеей,
где рубят сплеча.
Ты знаешь
путь
на завод Михельсона?
Найдешь
по крови
из ран Ильича.

Эсеры
целят
не очень верно –
другим концом
да себя же
в бровь.
Но бомб страшнее
и пуль револьвéрных
осада голода,
осада тифóв.
Смотрите –
кружат
над крошками мушки,
сытней им,
чем нам
в осьмнадцатом году,–
простаивали
из-за осьмушки
сутки
в улице
на холоду.
Хотите сажайте,
хотите травите –
завод за картошку –
кому он не жалок!
И десятикорпусный
судостроитель
пыхтел
и визжал
из-за зажигалок.
А у кулаков
и масло и пышки.
Расчет кулаков
простой и верненький –
запрячь хлебá
да зарой в кубышки
николаевки
да кéренки.
Мы знаем –
голод
сметает начисто,
тут нужен зажим,
а не ласковость воска,
и Ленин
встает
сражаться с кулачеством
и продотрядами
и продразверсткой.
Разве
в этакое время
слово «демократ»
набредет
какой головке дурьей?!
Если бить,
так чтоб под ним
панель была мокра:
ключ побед –
в железной диктатуре.
Мы победили,
но мы
в пробоинах:
машина стала,
обшивка –
лохмотья.
Валы обломков!
Лохмотьев обойных!
Идите залейте!
Возьмите и смойте!

Где порт?
Маяки
поломались в порту,
кренимся,
мачтами
волны крестя!
Нас опрокинет –
на правом борту
в сто миллионов
груз крестьян.
В восторге враги
заливаются воя,
но так
лишь Ильич умел и мог –
он вдруг
повернул
колесо рулевое
сразу
на двадцать румбов вбок.
И сразу тишь,
дивящая даже;
крестьяне
подвозят
к пристани хлеб.
Обычные вывески
– купля –
– продажа –
– нэп.
Прищурился Ленин:
– Чинитесь пока чего,
аршину учись,
не научишься –
плох.–
Команду
усталую
берег покачивал.
Мы к буре привыкли,
что за подвох?
Залив
Ильичем
указан глубокий
и точка
смычки-причала
найдена,
и плавно
в мир,
строительству в доки,
вошла
Советских республик громадина.
И Ленин
сам
где железо,
где дерево
носил
чинить
пробитое место.
Стальными листами
вздымал
и примеривал
кооперативы,
лавки
и тресты.
И снова
становится
Ленин штурман,
огни по бортам,
впереди и сзади.
Теперь

от абордажей и штурма
мы
перейдем
к трудовой осаде.
Мы
отошли,
рассчитавши точно.
Кто разложился –
на берег
за вóрот.
Теперь вперед!
Отступленье окончено.
РКП,
команду на борт!
Коммуна – столетия,
что десять лет для ней?
Вперед –
и в прошлом
скроется нэпчик.
Мы двинемся
во сто раз медленней,
зато
в миллион
прочней и крепче.
Вот этой
мелкобуржуазной стихии
еще
колышется
мертвая зыбь,
но, тихие
тучи
молнией выев,
уже –
нарастанье
всемирной грозы.
Враг
сменяет
врага поределого,
но будет –
над миром
зажжем небеса,
– но это
уже
полезней проделывать,
чем
об этом писать.–
Теперь,
если пьете
и если едите,
на общий завод ли
идем
с обеда,
мы знаем –
пролетариат – победитель,
и Ленин –
организатор победы.
От Коминтерна
до звонких копеек,
серпом и молотом
в новой меди,
одна
неписаная эпопея –
шагов Ильича
от победы к победе.
Революции –
тяжелые вещи,
один не подымешь –
согнется нога.

Но Ленин
меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.
Подымаются страны
одна за одной –
рука Ильича
указывала верно:
народы –
черный,
белый
и цветной –
становятся
под знамя Коминтерна.
Столпов империализма
непреклонные колонны
буржуи
пяти частей света,
вежливо
приподымая
цилиндры и короны,
кланяются
Ильичевой республике советов.
Нам
не страшно
усилие ничье,
мчим
вперед
паровозом труда…
и вдруг
стопудовая весть –
с Ильичем
удар.
_____
Если бы
выставить в музее
плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.
Еще бы –
такое
не увидишь и в века!
Пятиконечные звезды
выжигали на наших спинах
панские воеводы.
Живьем,
по голову в землю,
закапывали нас
банды Мамонтова.
В паровозных топках
сжигали нас японцы,
рот заливали свинцом и оловом,
отрекитесь! – ревели,
но из
горящих глоток
лишь три слова:
– Да здравствует коммунизм! –
Кресло за креслом,
ряд в ряд
эта сталь,
железо это
вваливалось
двадцать второго января
в пятиэтажное здание
Съезда советов.
Усаживались,

кидались усмешкою,
решали
пóходя
мелочь дел.
Пора открывать!
Чего они мешкают?
Чего
президиум,
как вырубленный, поредел?
Отчего
глаза
краснее ложи?
Что с Калининым?
Держится еле.
Несчастье?
Какое?
Быть не может!
А если с ним?
Нет!
Неужели?
Потолок
на нас
пошел снижаться вороном.
Опустили головы —
еще нагни!
Задрожали вдруг
и стали черными
люстр расплывшихся огни.
Захлебнулся
колокольчика ненужный щелк.
Превозмог себя
и встал Калинин.
Слёзы не сжуешь
с усов и щек.
Выдали.
Блестят у бороды на клине.
Мысли смешались,
голову мнут.
Кровь в виски,
клокочет в вене:
— Вчера
в шесть часов пятьдесят минут
скончался товарищ Ленин! —
Этот год
видал,
чего не взвидят сто.
День
векам
войдет
в тоскливое преданье.
Ужас
из железа
выжал стон.
По большевикам
прошло рыданье.
Тяжесть страшная!
Самих себя же
выволакивали
волоком.
Разузнать —
когда и как?
Чего таят!
В улицы
и в переулки
катафалком
плыл
Большой театр.
Радость

ползет улиткой.
У горя
бешеный бег.
Ни солнца,
ни льдины слитка –
всё
сквозь газетное ситко
черный
засеял снег.
На рабочего
у станка
весть набросилась.
Пулей в уме.
И как будто
слезы стакан
опрокинули на инструмент.
И мужичонко,
видавший виды,
смерти
в глаз
смотревший не раз,
отвернулся от баб,
но выдала
кулаком
растертая грязь.
Были люди – кремень,
и эти
прикусились,
губу уродуя.
Стариками
рассерьезничались дети,
и, как дети,
плакали седобородые.
Ветер
всей земле
бессонницею выл,
и никак
восставшей
не додумать до конца,
что вот гроб
в морозной
комнатеночке Москвы
революции
и сына и отца.
Конец,
конец,
конец.
Кого
уверять!
Стекло –
и видите под…
Это
его
несут с Павелецкого
по городу,
взятому им у господ.
Улица,
будто рана сквозная –
так болит
и стонет так.
Здесь
каждый камень
Ленина знает
по топоту
первых
октябрьских атак.
Здесь
всё,

что каждое знамя
вышило,
задумано им
и велено им.
Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и дым.
Здесь
Ленина
знает
каждый рабочий,
сердцá ему
ветками елок стели.
Он в битву вел,
победу пророчил,
и вот
пролетарий –
всего властелин.
Здесь
каждый крестьянин
Ленина имя
в сердце
вписал
любовней, чем в святцы.
Он зéмли
велел
назвать своими,
что дедам
в гробах,
засеченным, снятся.
И коммунары
с-под площади Красной,
казалось,
шепчут:
– Любимый и милый!
Живи,
и не надо
судьбы прекрасней –
сто раз сразимся
и ляжем в могилы! –
Сейчас
прозвучали б
слова чудотворца,
чтоб нам умереть
и его разбудят,–
плотина улиц
враспашку раствóрится,
и с песней
нá смерть
ринутся люди.
Но нету чудес,
и мечтать о них нечего.
Есть Ленин,
гроб
и согнутые плечи.
Он был человек
до конца человечьего –
неси
и казнись
тоской человечьей.
Вовек
такого
бесценного груза
еще
не несли

океаны наши,
как гроб этот красный,
к Дому союзов
плывущий
на спинах рыданий и маршей.
Еще
в караул
вставала в почетный
суровая гвардия
ленинской выправки,
а люди
уже
прожидают, впечатаны
во всю длину
и Тверской
и Димитровки.
В семнадцатом
было —
в очередь дочери
за хлебом не вышлешь —
завтра съем!
Но в эту
холодную,
страшную очередь
с детьми и с больными
встали все.
Деревни
строились
с городом рядом.
То мужеством горе,
то детскими вызвенит.
Земля труда
проходила парадом —
живым
итогом
ленинской жизни.
Желтое солнце,
косое и лаковое,
взойдет,
лучами к подножью кидается.
Как будто
забитые,
надежду оплакивая,
склоняясь в горе,
проходят китайцы.
Вплывали
ночи
на спинах дней,
часы меняя,
путая даты.
Как будто
не ночь
и не звезды на ней,
а плачут
над Лениным
негры из Штатов.
Мороз небывалый
жарил подошвы.
А люди
днюют
давкою тесной.
Даже
от холода
бить в ладоши
никто не решается —
нельзя,
неуместно.
Мороз хватает

и тащит,
как будто
пытает,
насколько в любви закаленные.
Врывается в толпы.
В давку запутан,
вступает
вместе с толпой за колонны.
Ступени растут,
разрастаются в риф.
Но вот
затихает
дыханье и пенье,
и страшно ступить —
под ногою обрыв —
бездонный обрыв
в четыре ступени.
Обрыв
от рабства в сто поколений,
где знают
лишь золота звонкий резон.
Обрыв
и край —
это гроб и Ленин,
а дальше —
коммуна
во весь горизонт.
Что увидишь?!
Только лоб его́ лишь,
и Надежда Константиновна
в тумане
за…
Может быть,
в глаза без слез
увидеть можно больше.
Не в такие
я
смотрел глаза.
Знамен
плывущих
склоняется шелк
последней
почестью отданной:
«Прощай же, товарищ,
ты честно прошел
свой доблестный путь, благородный».
Страх.
Закрой глаза
и не гляди —
как будто
идешь
по проволоке про́вода.
Как будто
минуту
один на один
остался
с огромной
единственной правдой.
Я счастлив.
Звенящего марша вода
относит
тело мое невесомое.
Я знаю —
отныне
и навсегда
во мне
минута
эта вот самая.

Я счастлив,
что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.
Сильнее
и чище
нельзя причаститься
великому чувству
по имени —
класс!
Знамённые
снова
склоняются крылья,
чтоб завтра
опять
подняться в бои́ —
«Мы сами, родимый, закрыли
орлиные очи твои».
Только б не упасть,
к плечу плечо,
флаги вычернив
и ве́ками алея,
на последнее
прощанье с Ильичем
шли
и медлили у мавзолея.
Выполняют церемониал.
Говорили речи.
Говорят — и ладно.
Горе вот,
что срок минуты
мал —
разве
весь
охватишь ненаглядный!
Пройдут
и на́верх
смотрят с опаской,
на черный,
посыпанный снегом кружок.
Как бешено
скачут
стрелки на Спасской.
В минуту —
к последней четверке прыжок.
Замрите
минуту
от этой вести!
Остановись,
движенье и жизнь!
Поднявшие молот,
стыньте на месте.
Земля, замри,
ложись и лежи!
Безмолвие.
Путь величайший окончен.
Стреляли из пушки,
а может, из тыщи.
И эта
пальба
казалась не громче,
чем мелочь,
в кармане бренчащая —
в нищем.
До боли
раскрыв
убогое зрение,

почти заморожен,
стою не дыша.
Встает
предо мной
у знамен в озарении
темный
земной
неподвижный шар.
Над миром гроб,
неподвижен и нем.
У гроба —
мы,
людей представители,
чтоб бурей восстаний,
дел и поэм
размножить то,
что сегодня видели.
Но вот
издалека,
оттуда,
из алого
в мороз,
в караул умолкнувший наш,
чей-то голос —
как будто Муралова —
«Шагом марш».
Этого приказа
и не нужно даже —
реже,
ровнее,
тверже дыша,
с трудом
отрывая
тело-тяжесть,
с площади
вниз
вбиваем шаг.
Каждое знамя
твердыми руками
вновь
над головою
взвито ввысь.
Топота потоп,
сила кругами,
ширясь,
расходится
миру в мысль.
Общая мысль
воедино созвеньена
рабочих,
крестьян
и солдат-рубак:
— Трудно
будет
республике без Ленина.
Надо заменить его —
кем?
И как?
Довольно
валяться
на перине клоповой!
Товарищ секретарь!
На́ тебе —
вот —
просим приписать
к ячейке еркаповой
сразу,
коллективно,

весь завод…—
Смотрят
буржуи,
глазки раскоряча,
дрожат
от топота крепких ног.
Четыреста тысяч
от станка
горячих —
Ленину
первый
партийный венок.
— Товарищ секретарь,
бери ручку…
Говорят — заменим…
Надо, мол…
Я уже стар —
берите внучика,
не отстает —
подай комсомол.—
Подшефный флот,
подымай якоря,
в море
пора
подводным кротам.
«По морям,
по морям,
нынче здесь,
завтра там».
Выше, солнце!
Будешь свидетель —
скорей
разглаживай траур у рта.
В ногу
взрослым
вступают дети —
трá-та-та-тá-та
тá-та-та-тá.
«Раз,
два,
три!
Пионеры мы.
Мы фашистов не боимся,
пойдем на штыки».
Напрасно
кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
Назад!
Не сметь!
Стала
величайшим
коммунистом-организатором
даже
сама
Ильичева смерть.
Уже
над трубами
чудовищной рощи,
руки
миллионов
сложив в древко,
красным знаменем
Красная площадь
вверх
вздымается
страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки

снова
живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь
к последней схватке!
Рабы,
разгибайте
спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие знала история.
[1924]
Комментарии
Впервые полностью[1] напечатана отдельным изданием — Л., ГИЗ, 1925; 2-е отдельное издание — М., ГИЗ, 1927.

Подступами к поэме о вожде явились первые стихотворения поэта на ленинскую тему: «Владимир Ильич!» (1920) и «Мы не верим!» (1923). В автобиографии «Я сам» возникновение замысла поэмы о Ленине Маяковский относит к 1923 году: «Начал обдумывать поэму «Ленин». К осуществлению этого замысла поэт вплотную приступил, потрясенный смертью вождя. 31 марта 1924 года он закончил работу над стихотворением «Комсомольская». К апрелю 1924 года относится, очевидно, и начало непосредственной работы над поэмой. Произведение было закончено в октябре 1924 года; первое чтение поэмы «Владимир Ильич Ленин» состоялось 12 октября 1924 года. В этот день Маяковский прочитал поэму сотрудникам газеты «Рабочая Москва» (см. заметку «Поэма В. Маяковского о Ленине» — «Вечерняя Москва», 1924, 13 октября).

18 октября 1924 года в газете «Рабочая Москва» появился первый отрывок из поэмы — под заглавием «Партия».

В автобиографии «Я сам» поэт, обычно сдержанно называющий поэтические «итоги года», поэме «Владимир Ильич Ленин» уделил особое место. В главе «24-й год» он записал: «Закончил поэму «Ленин». Читал во многих рабочих собраниях. Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа. Отношение рабочей аудитории обрадовало и утвердило в уверенности нужности поэмы».

В прижизненных изданиях поэмы имеются разночтения. Эти разночтения свидетельствуют о тщательной работе, проделанной поэтом на всех стадиях создания поэмы. Об этом же свидетельствуют и сохранившиеся рукописные материалы — черновой автограф поэмы (в записных книжках 1924 г., не полностью) и машинописная копия, не правленная автором, напечатанная без разбивки на стихотворные строки, как прозаический текст[2] (ГММ).

Наибольший интерес представляет собою черновой автограф, отразивший несколько «возвращений» автора к тексту произведения, причем в плане не только «выделки» отдельных строк, но стилистических и композиционных изменений в целом.

Уже при жизни Маяковского поэма «Владимир Ильич Ленин» стала известна за рубежом: в 1924 году отрывки из нее перевел известный немецкий переводчик Гуго Гупперт (впоследствии неоднократно переводивший поэму, вплоть до наших дней) — в газете «Tägliche Rundschau», Berlin, № 233, 5. Oktober; в 1927 году — в изд. «Junges Russland», Sonderheft der literarischen Zeitschrift «Orplid», 1927. В 1926 году поэма стала известна английскому читателю — в изд. English version by R. R. S. and M. Z. «Communist Review», London, 1926, January — появился отрывок из нее под заглавием «Смерть Ленина».

Наибольшую известность за рубежом поэма получила после Великой Отечественной войны. Ее переводчиками были Г. Маршалл (англ.), Л. Стоянов (болгар.), Ан. Гидаш (венгер.), Артур Сандауер (польск.) и др.[3]

… голос прадеда Бромлея и Гужона – первого паровика… – Бромлей и Гужон – владельцы крупных заводов в Москве. После революции заводы стали называться «Красный пролетарий» и «Серп и молот».

Патагония – географическая область в Южной Америке, на юге Аргентины. Возможно, упоминается здесь как экзотическая местность (коренное население ее было уничтожено в XIX в. аргентинскими колонизаторами).

Пол ампиристый, потолок рококовый, стенки – Людовика XIV, Каторза. – Имеется в виду смешение – в ироническом плане – разных архитектурных стилей: рококо – художественный стиль первой половины XVIII века, ампир – начала XIX века.

… Марксу виделось видение Кремля и коммуны флаг над Красною Москвой. – Ср. в «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»» К. Маркса и Ф. Энгельса (1882). «Теперь (после первомартовских событий 1881 г. – А. К.) Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе… Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 19, стр. 305).

Тьерами растерзанные… – Тьер, Адольф (1797–1877) – глава французского правительства, кровавый палач, жестоко расправившийся с парижскими коммунарами в 1871 году.

Коммунизма призрак по Европе рыскал. – Слегка измененная первая строка «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма».

… в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин. – Владимир Ильич Ленин (Ульянов) родился 10 (22) апреля 1870 года в г. Симбирске (ныне г. Ульяновск).

Я знал рабочего. Он был безграмотный … Но он слышал, как говорил Ленин, и он знал – всё. – Ср. в очерке М. Горького «В. И. Ленин», писавшемся одновременно с поэмой Маяковского: «Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот (В. И. Ленин – А. К.) не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл… Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре – точно произведение классического искусства…

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению – значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

– Густо говорит…

Так оно и было; каждый его довод развертывался сам собою – силой, заключенной в нем» (М. Горький. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 15).

Подымайтесь за землю и волю вы! – Имеются в виду программные положения тайных революционных организаций в России «Земля и воля», действовавших в 60-х и 70-х годах XIX в., сыгравших большую роль в русском освободительном движении.

… брат Ульянова, народоволец Александр. – Александр Ильич Ульянов (1866–1887), старший брат В. И. Ленина, член «Террористической фракции» партии «Народная воля». Участвовал в подготовке покушения на царя Александра III 1 марта 1887 года, был арестован и 8 мая 1887 года повешен в Шлиссельбургской крепости.

И тогда сказал Ильич семнадцатигодовый … победим, но мы пойдем путем другим! – По воспоминаниям М. И. Ульяновой, получив известие о казни брата, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». (Цит. по кн.: «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. I, М., 1970, стр. 25).

… как быть, чтоб зарплата взросла пятаком… – Здесь и далее Маяковский, очевидно, имеет в виду ранние работы В. И. Ленина: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895), «К рабочим и работницам фабрики

Торнтона» (1895), «Новый фабричный закон» (1897) и др.

Мы не одиночки, мы – союз борьбы за освобождение рабочего класса. – «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был организован В. И. Лениным осенью 1895 года в Петербурге путем объединения марксистских рабочих кружков.

«Служил ты недолго, но честно…» – Из революционной песни на слова Г. А. Мачтета (1852–1901) «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей…») – одной из любимых песен В. И. Ленина.

Говорили – мужичок своей пойдет дорогой, заведет социализм бесхитростен и прост. – Имеются в виду основные положения народнической идеологии, подвергнутой В. И. Лениным критике в работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» (1894).

Теперь на Марсов охотится Пулково. – Речь идет о достижениях советской науки к 1924 году: Пулковская обсерватория под Ленинградом вела наблюдение за планетой Марс во время великого противостояния в 1924 году.

Конец гапонщине. – Гапон Г. А. (1870–1906) – священник, провокатор, организовавший 9 января 1905 года шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу.

Ильич уже здесь. – В ноябре 1905 года В. И. Ленин возвратился из-за границы в Россию. Находясь в Петербурге, он развернул огромную организаторскую работу, руководя Центральным Комитетом партии большевиков, находившимся в подполье, редактировал ежедневную легальную большевистскую газету «Новая жизнь».

… лукавая вестийка – «свобода»… – Речь идет о Манифесте 17 октября 1905 года. В период нарастания революционных событий царь Николай II был вынужден издать манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», явившийся вынужденной капитуляцией царизма перед восставшим народом. Жестокое подавление Декабрьского вооруженного восстания 1905 года показало лживость обещанных царским правительством конституционных свобод.

… каратель Дубасов. – Дубасов Ф. В. (1845–1912), адмирал, московский генерал-губернатор, организатор жестокого подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 года.

Интеллигентчики ушли от всего и все изгадили… – Здесь Маяковский отмечает характерные явления общественной, литературной, философской жизни России в период после революции 1905 года: расцвет декадентства в искусстве, как проявление растерянности художественного сознания перед действительностью, отмеченной острыми социальными противоречиями и катаклизмами; в философской мысли – сдвиг в сторону религии. Этому увлечению оказались подвержены и марксистские литераторы: А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров, Я. А. Берман, П. С. Юшкевич, О. И. Гельфонд, С. А. Суворов, – выпустившие в 1908 году сборник «Очерки по философии марксизма». Ряд их сочинений этого периода был проникнут идеями богостроительства. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) В. И. Ленин подверг сокрушительной критике идеалистические философские основы этих сочинений.

… заскулил товарищ, Плеханов … Нечего зря за оружье браться. – Маяковский почти дословно цитирует высказывание известного революционного деятеля Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918): «Сила пролетариата оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие». (Статья, отражавшая меньшевистскую позицию автора, опубликована в «Дневнике социал-демократа», издаваемом Плехановым (Женева, 1905, № 4).

Ленин … Нет, за оружие браться нужно, только более решительно и энергично… – В статье «Уроки Московского восстания» (1906) В. И. Ленин писал: «…нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что… «не нужно было браться за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы… нападение, а не защита, должно стать лозунгом

масс, беспощадное истребление врага – станет их задачей: организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу» (В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 13, стр. 371–372, 376–377).

… Ленин снова в своем изгнании… – В декабре 1907 (январе 1908) года В. И. Ленин, спасаясь от преследований царского правительства, вторично уехал за границу: в Швейцарию, в Женеву.

… подымается страшный четырнадцатый. – В 1914 году началась первая мировая война. Россия вступила в войну 19 июля (1 августа) 1914 года.

… патриоты – приспособились Вовы. – Речь идет о шовинистическом, ура-патриотическом угаре, охватившем значительную часть русской интеллигенции в начале первой мировой войны. «Приспособились Вовы» – здесь обыгрывается заглавие популярной в те годы пьесы писателя Е. Мировича «Вова приспособился».

… трезвый встал один Циммервальд. – 23–26 августа (5–8 сентября) 1915 года в Циммервальде (Швейцария) состоялась международная социалистическая конференция. В. И. Ленин возглавил на конференции группу левых революционеров-интернационалистов (циммервальдскую левую). В «Проекте резолюции левых социал-демократов…» Ленин писал: «Империалистская война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата. Долг социалистов… стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 284–285).

… читал Владимир Ильич в Швейцарии. – Известие о победе революции в России В. И. Ленин получил 2 (15) марта 1917 года, находясь в вынужденной эмиграции в Цюрихе (Швейцария).

… если бы знал тогда Гогенцоллерн, что Ленин и в их монархию бомба! – Гогенцоллерн – Вильгельм II (1859–1941), германский император (1888–1918), последний представитель этой династии прусских королей и императоров – свергнут буржуазно-демократической революцией в Германии в 1918 году.

… Дарданельский, в девичестве Милюков. – Милюков П. Н. (1859–1943) – министр иностранных дел Временного правительства, автор ноты от 18 апреля (1 мая) 1917 года, утверждавшей готовность Временного правительства продолжать войну «до победного конца».

… с коронацией прет Михаильчик. – Имеется в виду свершение Февральской буржуазно-демократической революции в России, в ходе которой царь Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила.

… у оборонцев. – Идею «обороны отечества» В. И. Ленин считал проявлением «социал-шовинизма», «ибо на деле отстаивают они («социал-шовинисты» – А. К.) – не «оборону отечества» в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а «право» тех или иных «великих» держав грабить колонии и угнетать чужие народы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 318–319).

… вокруг сторожами эсеры да Савинковы. – Савинков Б. В. (1879–1925) – эсер. После Октябрьской революции – один из руководителей белогвардейских заговоров и мятежей. Арестован в 1924-м, в 1925 году покончил с собой в тюрьме.

… с Финляндского вокзала по Выборгской загрохотал броневик. – 3 (16) апреля 1917 года В. И. Ленин возвратился из эмиграции в Петроград.

Сбросим эсдечества обветшавшие лохмотья. – В. И. Ленин в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» (1917), объясняя необходимость замены старого названия Российской социал-демократической партии новым – Коммунистическая партия, писал: «…мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну … которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху…

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 183).

Дом Кшесинской … нынче – рабочая блузница. – В особняке балерины Кшесинской, подаренном ей царем, в марте 1917 года помещались Центральный и Петроградский комитеты большевиков, военная организация при ЦК РСДРП(б), солдатский клуб и другие организации рабочих и солдат.

«Ешь ананасы, рябчиков жуй…» – Стихотворение было написано Маяковским между февралем и октябрем 1917 года (впервые напечатано в декабре 1917 года в журн. «Соловей», выходившем в Москве). В статье «Только не воспоминания» (1927) поэт писал: «В такт какой-то разухабистой музычке я сделал двустишие:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.
Это двустишие стало моим любимейшим стихом: петербургские газеты первых дней Октября писали, что матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку:

Ешь ананасы… и т, д.».
… в июле за горло потрогали и за животик. – 3–4 (16–17) июля 1917 года в Петрограде состоялась мирная демонстрация рабочих и солдат под лозунгом «Долой войну». 6 (19) июля после разгрома демонстрации Временное правительство предложило большевикам «очистить дворец Кшесинской… Большевики решили уйти из дворца … во избежание кровопролития» («Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий, т. 2, М., 1959, стр. 509).

… на мушку Ленина! – 7 (20) июля 1917 года Керенский, премьер-министр Временного правительства, отдал приказ об аресте В. И. Ленина. В ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля 1917 года В. И. Ленин переехал на станцию Разлив под Петроградом. 9 (22) августа Ленин нелегально уехал в Финляндию.

В Кресты Зиновьева! – Кресты – дом предварительного тюремного заключения в Петрограде. Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. (1883–1936) – злейший враг Советской власти. В октябре 1917 года вместе с Каменевым выступил против организации вооруженного восстания и выдал врагу план восстания. В связи с этим В. И. Ленин в «Письме в Центральный Комитет РСДРП(б)» писал: «Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт … Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 425–426).

После Октябрьской социалистической революции Зиновьев занимал ряд ответственных постов, при этом неоднократно активно выступал против ленинской политики партии. За антипартийную и антисоветскую деятельность был исключен из партии и затем осужден.

Ленин сам явился в Питер. – 7 (20) октября 1917 года В. И. Ленин возвратился из Выборга в Петроград.

Это от рабства десяти тысячелетий к векам коммуны сияющий перевал… – Эта часть поэмы, посвященная характеристике В. И. Ленина, вызвала большие нападки на поэта со стороны ряда современных ему критиков и литераторов. В первой публикации этого отрывка в газете «Известия ЦИК» (М., 1924, 7 ноября) вместо «сияющий перевал» было напечатано «сияющий генерал». Слово «генерал», вставленное каким-то провокатором, послужило поводом для резких критических выступлений Д. Бедного и троцкиста Д. Сосновского против Маяковского. Выступая на Первой конференции пролетарских писателей в январе 1925 года, Маяковский так объяснял замысел произведения: «Товарищи, я выступаю не для того, чтобы защитить свою поэму, но чтобы заставить уважать собрание пролетарских писателей и не пользоваться опечаткой в целях дискредитирования моего отношения к Ильичу и в целях дискредитирования моей поэмы … Немногим из нас было дано счастье увидеть товарища Ленина. Взятый мною факт – это один из тех, которые я описывал с натуры. Эта картина была в дни революции буквально списана с товарища Ленина, и такой способ стоять, заложив руки, всем известен. Дальше, для того, чтобы

сказать «заспанный», – это настолько казалось невероятным для Ленина, что за этой строчкой идет:

…шагал,
становился
и глаз, сощуря,
вонзал,
заложивши
руки зá спину.
В какого-то парня,
в обмотках,
лохматого,
уставил без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз».

По приказу товарища Троцкого! – Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879–1940) – злейший враг ленинизма. В августе 1917 года вошел в партию большевиков. После Октябрьской социалистической революции – нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики. Как оказалось впоследствии, Троцкий не собирался переходить на позиции большевизма и вел скрытую и открытую борьбу против ленинизма, против политики партии. С 1923 года вел ожесточенную фракционную борьбу против генеральной линии партии против ленинской программы построения социализма, проповедовал невозможность победы социализма в СССР. Коммунистическая партия, разоблачив троцкизм как мелкобуржуазный уклон в партии, разгромила его идейно и организационно. В 1927 году Троцкий был исключен из партии, в 1929 году за антисоветскую деятельность выслан из СССР и в 1932 году лишен советского гражданства. Находясь за границей, продолжал борьбу против Советского государства и Коммунистической партии, против международного коммунистического движения.

Власть Советам! Земля крестьянам! Мир народам! Хлеб голодным! – В. И. Ленин в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» 1(14) октября 1917 года писал: «Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас… Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 340–341).

Второй Всероссийский съезд Советов, проходивший 25–27 октября (7–9 ноября) 1917 года, принял исторические декреты Великой Октябрьской социалистической революции: декрет о мире и декрет о земле.

… ужо им покажут Духонин с Корниловым. – Царские генералы: Духонин Н. Н. (1876–1917) – верховный главнокомандующий русской армии с ноября 1917 года, один из участников предательского заговора, целью которого было сдать революционный Петроград немцам; Корнилов Л. Г. (1870–1918) – верховный главнокомандующий русской армией в июле – августе 1917 года; в конце августа возглавил контрреволюционный мятеж.

… покажут ужо им Гучков с Керенским. – Гучков А. И. (1862–1936) после Февральской революции – военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов военной интервенции против Советской России. Керенский А. Ф. (1881–1970) – глава буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти. В 1918 году бежал за границу, где активно участвовал в антисоветской деятельности белой эмиграции.

Возьмем передышку похабного Бреста. – 3 марта 1918 года в городе Брест-Литовске был подписан мирный договор между Советской республикой и Германией. В докладе VII съезду РКП(б) (март 1918 г.) В. И. Ленин сказал: «Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали … Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 26).

Ты знаешь путь на завод Михельсона? Найдешь по крови из ран Ильича. – 30 августа 1918 года в Москве, на заводе Михельсона (теперь завод имени Владимира Ильича), В. И. Ленин выступал на митинге рабочих. При выходе с завода был тяжело ранен

эсеркой Фанни Ройд. В газете «Известия» (4 сентября 1918 г.) была опубликована заметка: «Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройд (она же Каплан)».

… нэп. — Решение о переходе от военного коммунизма к НЭП'у (новой экономической политике) было принято по предложению В. И. Ленина на X съезде РКП(б) в 1921 году.

Мы двинемся во сто раз медленней, зато в миллион прочней и крепче. — В докладе XI съезду РКП(б) В. И. Ленин сказал: «У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, то будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называющейся коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают; и он тогда пойдет за нами так, что, если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 92).

… но это уже полезней проделывать, чем об этом писать. — Ср. у В. И. Ленина в «Послесловии к первому изданию» книги «Государство и революция»: «…приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 120).

… эта сталь, железо это вваливалось двадцать второго января в пятиэтажное здание Съезда советов. — 9–29 января 1924 года в Москве, в Большом театре, проходил XI Всероссийский съезд Советов. На утреннем заседании 22 января М. И. Калинин сообщил о смерти В. И. Ленина.

Это его несут с Павелецкого… — В. И. Ленин скончался 21 января 1924 года в Горках, под Москвой. Гроб с телом вождя утром 23 января был перенесен на руках из Горок до станции Герасимово (теперь Ленинская) Московской железной дороги и траурным поездом доставлен на Павелецкий вокзал. Отсюда гроб был перенесен в Колонный зал Дома союзов. 23 января 1924 года был открыт доступ в Колонный зал для прощания с вождем. За четыре дня, с 23 по 27 января, проститься с вождем сюда пришли сотни тысяч трудящихся нашей страны и из-за рубежа.

Муралов Н. И. — командующий Московским военным округом; входил в комиссию по организации похорон В. И. Ленина; впоследствии активный участник антиленинского оппозиционного блока.

… просим приписать к ячейке еркаповой сразу, коллективно, весь завод. — На смерть В. И. Ленина трудящиеся Советского Союза ответили еще большим сплочением вокруг Коммунистическом партии. Уже в феврале 1924 года в печати сообщалось: «…обнажая голову перед свежей могилой В. И. Ленина, беспартийные рабочие твердо и без лишних слов заявляют о желании вступить в ряды нашей партии. Целые заводы постановляют — всем вступить в партию…» (Журн. «Прожектор», 1924, 29 февраля, № 4(26), стр. 13). К 30 апреля 1924 года около 250 000 рабочих подали заявление о вступлении в партию.
А. Крюкова
Примечания

1 До публикации поэмы в целом главы и отрывки из нее печатались в различных периодических изданиях, начиная с октября 1924 года.

2 Именно эти два источника Маяковский имел в виду, говоря о двух «оригиналах поэмы»: «первый оригинал, написанный мною прозой, потому что я должен был его везти через французскую границу и боялся, что его заберут… другой оригинал, по которому ясно видно, что я бы не мог его сейчас написать, потому что он испещрен всякими поправками (это черновик)…» (Выступление на Первой всесоюзной конференции пролетарских писателей 9 января 1925 г.). В ряде исследований встречается мысль о том, что должны были существовать еще два не дошедших до нас источника поэмы: беловой автограф и авторизованная машинопись. Можно предположить, однако, что, учитывая крайне сжатые сроки создания поэмы, этих текстов в необходимой текстологической последовательности могло и не быть: автор переделывал черновик «на ходу», внося исправления на слух, когда диктовал текст машинистке.

3 Данные приводятся по материалам Научной библиотеки ГММ.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://mayakovskyvladimir.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!